

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Н. ШАХОВСКОЙ

**Так проходит
мирская слава**

1893–1917

Ответственный редактор С. В. Куликов

Владимир Шаховской

К КУЧКОВО
ПОЛЕ

Ретроспектива
Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52-8Шаховской
Ш32

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского
института истории Российской академии наук

Рецензенты:
д. и. н. С. К. Лебедев, д. и. н. М. Ф. Флоринский
Ответственный редактор к. и. н. С. В. Куликов

«ВИЛЛИ ФЕРРЕРО НАШЕГО КАБИНЕТА»: КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ШАХОВСКОЙ И МИРСКАЯ СЛАВА

Шаховской В. Н.

Ш32 Так проходит мирская слава. 1893–1917 / вступ. ст. и коммент.
С. В. Куликова. — М.: Ретроспектива; Кучково поле, 2019. — 688 с. —
(Живая история)

ISBN 978-5-9950-0990-0 (Кучково поле)
ISBN 978-5-9907259-8-0 (Ретроспектива)

Представленные в книге воспоминания принадлежат перу незаслуженно забытого видного государственного деятеля Российской империи. Князь Всеволод Николаевич Шаховской с февраля 1915 по февраль 1917 года занимал пост министра торговли и промышленности. В мемуарах живо и содержательно он описывает учебу в Морском училище и дальнейшую карьеру — службу в Гвардейском экипаже, Министерстве финансов, Главном управлении торгового мореплавания и портов, Министерстве торговли и промышленности и МПС. Особое внимание В. Н. Шаховской уделил своей деятельностью на должности главы торгово-промышленного ведомства во время Первой мировой войны, когда он, как член Совета министров, был напрямую причастен к решению не только важнейших экономических, но и внутри- и внешнеполитических проблем. Широта тематического диапазона воспоминаний дополняется точностью и тонкостью характеристик, даваемых мемуаристом тем современникам, с которыми ему довелось общаться. Ими были Николай II, представители императорской фамилии, министры и чиновники, финансовые, торгово-промышленные и общественные деятели.

Воспоминания В. Н. Шаховского, издающиеся в России впервые, сопровождаются комментариями, восполняющими эти воспоминания в той степени, в какой на их содержании отразилось отсутствие у мемуариста-эмигранта его дореволюционного личного архива.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52-8Шаховской

ISBN 978-5-9950-0990-0
(Кучково поле)

ISBN 978-5-9907259-8-0
(Ретроспектива)

© Куликов С. В., вступ. ст., коммент., 2019
© ООО «Кучково поле», дизайн-макет,
2019
© ООО «Ретроспектива», издание, 2019

Издательская программа фонда
«Связь Эпох»

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания последнего царского министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского «Sic transit Gloria mundi» («Так проходит мирская слава») уникальны во многих отношениях и прежде всего личностью их автора. Современники называли его, кто — всерьез, а кто — с иронией, «Вилли Ферреро нашего Кабинета»¹. Вилли Ферреро (1906–1954) — ныне забытый итальянский дирижер-вундеркинд, начавший руководить оркестрами еще в раннем детстве. Почему же сравнения с ним удостоился именно В. Н. Шаховской?

Князь Всеволод Николаевич Шаховской родился 13 сентября 1874 г. в сельце Дубово Осташковского уезда Тверской губернии. Его отец, князь Николай Иванович Шаховской (1851–1937), принадлежал к известному аристократическому роду, происшедшему от Рюрика, и дослужился до чина тайного советника и должности члена Совета Государственного банка от Государственного контроля. Женой Николая Ивановича и матерью Всеволода Николаевича была княгиня Елизавета Константиновна, урожденная Кимбар. Если отец в начале XX в. владел небольшим поместьем Князево в Новолодожском уезде Петербургской губернии, то сын какой-либо недвижимости не имел. Во всяком случае, в формулярном списке Шаховского-младшего за 1910 г. в графе

¹ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С. 19.

ГЛАВА I

Закладка Либавского порта

12 августа 1893 года состоялась закладка Либавского военного порта, названного впоследствии портом императора Александра III. Событие это памятно в истории отношений России с Германией; оно знаменовало укрепление нового направления русской внешней политики²².

Церемония закладки была обставлена весьма торжественно. На рейде было сосредоточено много судов Балтийского флота. Накануне прибыл на императорской яхте «Полярная звезда» император Александр III с семьей.

В день закладки погода была чрезвычайно свежая, перешедшая к вечеру в шторм. Это помешало «Полярной звезде» продолжать после закладки свой путь, направляясь в Копенгаген, где царская семья обычно проводила в виде отдыха осенние месяцы. На следующий день погода не стихла. По этой причине или ввиду того, что было 13-е число, но отбытия государя императора не последовало, и весь флот остался на рейде в Либаве.

После завтрака, неожиданно для всех, на «Полярной звезде» был поднят сигнал о том, что государь император назначает парусную гонку для шлюпок стоящих на рейде судов. В гонке в виду весьма свежей погоды должны были принять участие только крупные парусные суда, т. е. бар-

касы и катера. Задача была дана: обойти в указанном направлении под парусами вокруг эскадры и по выполнении этого пройти створ двух стоявших на рейде судов.

В гонке принял участие и я в качестве старшины (рулевого) катера с крейсера «Память Азова»²³. В это время я был гардемаринном и оканчивал свой ценз для производства в следующем месяце в первый офицерский чин²⁴.

Управление шлюпкой под парусами всегда особенно занимало меня; это был почти единственный спорт, который мне нравился. В штормовую погоду назначенное состязание имело особенный интерес и даже представляло некоторую опасность; во время гонки для выигрыша времени приходится делать более рискованные повороты и брать более крутые галсы, чем в обычное время, когда потеря, осторожности ради, нескольких минут не имеет значения. В категории катеров я пришел на конечный створ с призом.

Призовым шлюпкам было приказано приставать к трапу «Полярной звезды». Нас выстроили во фронт на палубе. Все мы имели далеко не смотровой вид. Многие были насквозь мокрые от разбивавшихся о шлюпку волн, а, в некоторых случаях, и от чрезмерного крена шлюпки во время гонки.

К нам вышла императрица Мария Федоровна с дочерьми Ксенией и Ольгой Александровнами.

Когда меня представляли императрице, Ее Величество милостиво сказала мне несколько слов и, наравне с другими нижними чинами, с улыбкой дала мне серебряный рубль, отчеканенный специально по случаю закладки Либавского порта.

Это было мое первое личное представление государыне. Оно произвело на всю мою жизнь глубокое впечатление. Удивительная простота императрицы, совершенно исключительная ласковость в обращении, очаровательная улыбка, все это как-то особенно располагало к ней. Я сразу почувствовал благоговение перед русской императрицей. Впоследствии мне пришлось многократно иметь счастье не только представляться, но и видеть подолгу и близко императрицу, особенно во время плава-

ний. Каждый раз я испытывал то же чувство. И даже последний раз, когда я видел ее, уже совершенно в иных условиях после революции, после гибели Отечества и царской семьи, после бегства из России, в тихой Дании, в вилле Hvidbøge в Кламненборге, все то же чувство благоговения переживал я вновь перед императрицей, державшей себя с исключительным достоинством и с той же приветливостью.

На следующий день «Полярная звезда» снялась с якоря, и государь отбыл из Либавы в Копенгаген.

17 сентября того же года, т. е. через месяц после закладки Либавского порта, фельдъегерь привез в Копенгаген для высочайшей подписи приказ по флоту о производстве гардемарин в мичманы. Подписав приказ, государь император, зная, с каким нетерпением молодежь ожидает производства, отправил телеграмму управляющему Морским министерством с приказанием произвести гардемарин в мичманы, не ожидая возвращения фельдъегеря. Все мы, в числе 51 мичмана, высоко оценили тонкое внимание со стороны монарха.

ГЛАВА II

Гвардейский экипаж

Я был зачислен в 18-й флотский экипаж²⁵, расквартированный на взморье, на южной оконечности Васильевского острова в Петербурге, в так называемых Дерябинских казармах²⁶. Однако начать там службу я даже не успел: молодые мичманы получали обычно двухмесячный отпуск, в течение которого по распоряжению генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича я был прикомандирован к Гвардейскому экипажу²⁷. Августейшим шефом экипажа состояла императрица Мария Федоровна; командиром же был контр-адмирал Невахович²⁸. В Гвардейском экипаже и протекла вся моя, правда, кратковременная, служба во флоте.

Гвардейский экипаж считался в числе самых нарядных частей гвардии. Хотя он всецело состоял в ведении морского ведомства, но на зимние месяцы, когда офицеры и команды возвращались из плаваний в Петербург, его причисляли к Гвардейскому корпусу в отношении несения, наравне с гвардией, строевой и караульной службы в столице. В этом он подчинялся командиру Гвардейского корпуса.

Офицерский состав объединялся в кают-компания и жил дружной семьей, свято соблюдая старые традиции.

6 декабря — день святого Николая Чудотворца — был экипажным праздником. День этот начинался парадом в Михайловском манеже, затем офицеры приглашались во дворец к высочайшему завтраку. После завтрака устраивался «sercle»¹, т. е. офицеры становились группой в одном из зал дворца, а высочайшие особы обходили их и удостаивали разговорами. Вечером бывал нарядный ужин в кают-компании. Кроме того, в зимнее время почти ежемесячно происходили обеды, которые возглавлялись генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем. На них присутствовали многие великие князья, а иногда и император Николай II в бытность его наследником. На этих обедах участвовали и прежние, ушедшие офицеры, которые обычно не порывали связи с экипажем.

Как общее правило, служба морская и береговая исполнялись офицерами с большой аккуратностью, рвением и гордостью к чести той части, в которой они служили.

Состав нижних чинов был первоклассный. При распределении новобранцев экипаж обычно получал самых отборных рослых и бравых молодцов. В экипаже происходил новый отбор великанов и красавцев, зачислявшихся в первую роту, носившую название роты Ее Величества. Строевая выправка и дисциплинированность были образцовые. При обучении обращалось серьезное внимание и на развитие умственных способностей.

Осенью 1894 года обнаружилась тяжкая болезнь императора Александра III. Доктора рекомендовали ему ехать немедленно в Крым, а оттуда отправиться еще южнее; намечался Корфу²⁹. Было решено срочно отправить «Полярную звезду» из Петербурга в Черное море.

Императрица вызвала к себе командира яхты князя Я. И. Шаховского и первая лично объявила ему о предстоящем плавании, выражая крайнее сочувствие, что ему, только что вернувшемуся из плавания, приходится вновь, и, может быть — надолго, оставить семью. При этом императрица дала ему распоряжение, чтобы в чис-

ло офицеров яхты был зачислен и я. На возражение дяди о неудобстве для него иметь меня в числе подчиненных императрица ответила, что это ее решение и что она рада, что на яхте будет кто-нибудь из его близких.

Мы собрались в плавание с исключительной быстротой³⁰. В каждом порту мы с трепетом читали все ухудшавшиеся известия о состоянии здоровья государя, но надежда нас не покидала до самого последнего момента; нам казалось, что именно мы принесем ему исцеление перевозкой в теплый климат³¹.

Памятный для всей России день 20 октября 1894 года, день кончины Царя-Миротворца, застал нас в Бискайском заливе. Выдержав жестокий шторм, мы зашли в испанский порт Виго, где нас ожидала телеграмма с горестным известием. Весь личный состав яхты был глубоко потрясен. Все близко знали царя. Мы употребили громадные усилия, чтобы не потерять ни одного дня и, как можно скорее, прибыть в Черное море для перевозки монарха в целебные края... Все надежды и самая цель нашего плавания — рухнули.

После отслуженной панихиды офицеры и команда вышли на верхнюю палубу и с глубоким подъемом со слезами на глазах принесли присягу на верность императору Николаю II и наследнику его, цесаревичу и великому князю Георгию Александровичу.

В Виго мы провели несколько дней, спрашивая указаний, должны ли мы идти дальше или нам надлежит вернуться обратно. По получении распоряжений, мы вышли в Севастополь с заходом в Картагены, Неаполь, Пирей. По прибытии в Севастополь мы приготовили яхту на зимовку, после чего весь свободный состав офицеров и команды был отправлен в Петербург в экипаж. За время последнего плавания, к 6 декабря, я был переведен в Гвардейский экипаж (до того времени я был «причисленным»)³².

Не прошло месяца со времени нашего возвращения в Петербург, как мы получили новое распоряжение: немедленно вернуться в Севастополь на «Полярную звезду» и идти в Батум, где принять на борт наследника

¹ Буквально: «кружок» (фр.), здесь: «собрание».

цесаревича Георгия Александровича, проживавшего постоянно по болезни в Абас-Тумане. Доктора предписывали ему пребывание на некоторое время в Алжире³³.

Болезненный вид цесаревича нас очень поразил. Кроме лиц свиты, его сопровождал великий князь Николай Михайлович.

Во время пребывания в Алжире через состоявшего при наследнике в качестве старшего чина свиты капитана 1-го ранга барона Э. А. Штакельберга, моего бывшего командира по «Скобелеву»³⁴, мне было сделано от цесаревича предложение быть по окончании плавания откомандированным для состояния при нем в Абас-Тумане. Конечно, такое предложение было крайне лестно для столь молодого офицера, но, тем не менее, я отклонил его.

В Алжире мы встретили Пасху 1895 года и затем, в виду жаркого мая, вышли в обратный путь в Батум, где наследник покинул яхту, трогательно простившись с нами и предварительно вручив каждому офицеру свой портрет, снятый в Алжире, с подписью. Никому из нас не было суждено увидеть еще наследника Георгия Александровича.

Исполнив возложенное на нас поручение, мы направились опять вокруг Европы для следования в Кронштадт.

По заведенному еще при Александре III обычаю, каждую осень императрица Мария Федоровна отправлялась на «Полярной звезде» в Копенгаген, где проводила около двух месяцев. Мы ожидали ее там и возвращались с ней к самому закрытию навигации в Кронштадт.

В 1896 году государь с императрицей Александрой Федоровной посетили Англию и Францию. Обе яхты, новая — «Штандарт» и старая — «Полярная звезда», были призваны к участию в этом историческом событии. Не желая обижать ни ту, ни другую яхту, государь решил сделать часть перехода на «Штандарте», а другую — на «Полярной звезде». К тому времени, за назначением князя Я. И. Шаховского командиром Гвардейского экипажа, командование «Полярной звездой» было вверено капитану 1-го ранга барону Э. А. Штакельбергу. На нас выпала честь перевозить государя из Портсмута в Шербург.

Путешествие было обставлено громадной торжественностью³⁵. 5 октября нового стиля мы вышли из Портсмута, имея сзади в качестве конвоира яхту «Штандарт». Справа и слева от нас в две кильватерные колонны шел, провожая государя императора, величественный британский флот. Погода была чрезвычайно свежая, и, несмотря на это, флот отлично держал строй. На середине Ла-Манша яхту встретил в таком же построении французский флот, салютовавший поднятому на «Полярной звезде» императорскому штандарту. При этом салюте мы из двух колонн британского флота перешли в такие же колонны французского флота. Британский флот сделал крутой поворот для следования в обратный путь и произвел прощальный салют императорскому штандарту. Величие этой торжественной и могущественной картины не поддается никакому описанию. Я уверен, что у всех, видевших ее, она запомнилась на всю жизнь.

Как видно из изложенного, служба во флоте явно улыбалась мне. Однако я сознавал, что для дальнейшего усовершенствования мне предстояло сделать несколько длительных плаваний. Между тем состояние моего здоровья сильно затрудняло мои плавания. Кроме того, я рано женился и мечтал о семейной жизни³⁶. Обстоятельства эти заставили меня прийти к заключению, что, оставаясь во флоте, я сделался бы «посредственным моряком». Я принял поэтому решение перейти на гражданскую службу, в надежде сделаться «хорошим чиновником».

ГЛАВА XXXVII

Великосветские салоны. Союзные послы. Великие князья

Распущенность, которая царила во многих интеллигентных кругах, психоз, который заражал атмосферу и втягивал в геенну революции, особенно ярко сказывались в так называемых великосветских салонах. Одним из источников распространения ложных слухов о царской семье и, в частности, об императрице служили именно эти салоны, где велись постоянно самые непозволительные разговоры, даже не стесняясь присутствием иностранных дипломатов. Побывавшие в этих салонах гости разносили по городу все разговоры и сплетни, зачастую усугубля слышанное и пополняя своим воображением.

Эти жалкие сплетни и пересказы из уст в уста кончались тем, что производили впечатление на общество, и вранье, постоянно передаваемое, приобретало видимость правды.

Французский посол Морис Палеолог чрезвычайно дорожил возвращаться в высшем светском кругу и в своем труде посвящает много места вышеизложенному печальному явлению. Не называя фамилий, он описывает разговоры графини В., госпожи С., княгини К., княгини П., и т.д., и даже пишет: «Depuis 10 mois que je fréquente la société Russe, une des choses qui m'ont le plus surpris, est

la liberté ou pour mieux dire la license avec laquelle on parle de l'Empereur et de l'Impératrice...¹» Далее тот же Палеолог по поводу императрицы, которую в каком-то салоне называли «немкой», пишет следующее: «La malheureuse femme ne mérite en aucune manière de cette inculpation, qu'elle connaît et qui la désole. Alexandra Feodorovna n'est allemande ni d'esprit, ni de coeur et ne l'a jamais été... Le fond de sa nature est devenu entièrement russe... je ne doute pas de son patriotisme... Elle aime la Russie d'un fervent amour... Elle a pris en personnelle aversion l'Empéreur Guillaume...»¹¹

Особо Морис Палеолог останавливается на великой княгине Марии Павловне, которая, как известно, была чрезвычайно настроена против императрицы, но пользовалась симпатиями Палеолога ввиду ее особого умения светского обращения со светским представителем Французской республики. Она усердно выставляла свою ненависть к Германии, будучи сама мекленбургской уроженкой. Даже при всей симпатии Палеолога к великой княгине он, тем не менее, упоминает, что ее заветной мечтой являлось видеть одного из своих сыновей на российском престоле.

Оба союзных посла, французский и великобританский, явно сочувствовали не только либеральному, но в конце даже революционному движению, хотя они все же, до известной степени, затушевывали это в своих мемуарах. Тем не менее, для подтверждения моего убеждения я должен сослаться на их мемуары.

Прежде всего, я коснусь Мориса Палеолога. Как видно из его воспоминаний, к нему приехал московский про-

¹ *Maurice Paléologue*. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. Vol. I. P. 190. (Примеч. авт.) «За те десять месяцев, что я возвращаюсь в русском обществе, меня поразило одно — та свобода, или, вернее сказать, вседозволенность, с которой говорят об императоре и императрице...» (фр.).

¹¹ *Maurice Paléologue*. La Russie des Tzars pendant la grande guerre. Vol. I. P. 249. (Примеч. авт.) «Несчастная женщина никоим образом не заслужила этого обвинения, о котором знает и которое опустошает ее. Александра Федоровна не немка ни умом, ни сердцем, и никогда не была ею... Суть ее натуры стала совершенно русской... Я не сомневаюсь в ее патриотизме... Она любит Россию пылкой любовью... К императору Вильгельму она испытывает личную неприязнь...» (фр.).

мышленник француз Гужон, заявивший, что ряд видных московских промышленников поручил ему узнать, правда ли, что придворные круги поколебали решение государя продолжать войну до полного разгрома Германии. Эти самые московские промышленники просят Палеолога принять их. Крайне тактично французский посол, категорически опровергая этот нелепый слух, просил передать, что он считает неудобным принимать их по такому вопросу.

Поддерживая, тем не менее, постоянные сношения с левыми партиями Думы, первое время посол был чрезвычайно в этом осторожен и рассуждал так: «Si je développe trop mes relations avec les milieu libéraux, je deviens suspect au parti gouvernemental et à l'Empereur; je fournis de plus une arme terrible aux réactionnaires...»¹

Очевидно, руководствуясь этим мудрым принципом, еще в сентябре 1915 года Палеолог для разговоров с кадетскими лидерами М. М. Ковалевским, Милюковым, В. А. Маклаковым и Шингаревым, которых он называет *état majeur et l'élite du parti libéral*², избирает нейтральный дом. Но уже скоро после этого те же лица стали постоянными гостями Палеолога как в частных свиданиях, так и на обедах в посольстве.

Переходя к деятельности великобританского посла сэра Джорджа Бьюкенена, я, прежде всего, отмечу, что он сперва пользовался исключительным вниманием при дворе. Ярким примером этого может служить то, что супруга его, леди Джоржина Бьюкенен, 29 августа 1915 года «была принята в число дам меньшего креста императорского ордена Святой Великомученицы Екатерины»⁷⁸⁵. Это считалось совершенно исключительным фактом. Не знаю, были ли вообще примеры награждения жен иностранных послов этим высоким орденом (с лентой через плечо).

¹ *Maurice Paléologue*. Op. cit. Vol. I. P. 235. (Примеч. авт.) «Если я разовью слишком тесные связи с либеральными кругами, то окажусь на подозрении у правительственной партии и императора; кроме того, я дам грозное оружие реакционерам...» (фр.).

² *Idem*. Vol. II. P. 72. (Примеч. авт.) Генеральным штабом и элитой либеральной партии (фр.).

Сам посол был спокойный, сдержанный и имел большое влияние на Палеолога. По-видимому, он вообще поддерживал не только либеральных, но и крайне левых деятелей. Ему особенно сочувствовала Москва. Главнейшая оппозиция правительству исходила отсюда.

Большую активность в отношении ложных слухов и в обсуждении вопроса о перемене режима проявляло московское купечество. Виднейшие лица собирались периодически в известном особняке Морозова для своих секретных заседаний, и туда обычно приезжали из Петрограда руководители Кадетской партии.

Не знаю, через кого из присутствовавших, но подробности этих собраний получались Департаментом полиции, который рассылал, в сугубо секретных пакетах, нам, главным министрам, получаемые им отчеты об этих собраниях.

Челноков, Астров, Четвериков, Третьяков и другие друг друга старались опередить в либерализме. Многие из московских толстосумов давали крупные суммы на революционную деятельность. В начале этого противуправительственного вихря московское городское управление приглашает сэра Джорджа Бьюкенена посетить Москву. Ему устраивается небывалый, чрезвычайно нарядный прием. Он избирается почетным гражданином Москвы⁷⁸⁶, ему подносят образ XV века и громадную серебряную братину, изображающую шлем русского богатыря (братину эту я сам видел у Бьюкенена на обеде). Спрашивается, какая цель этого поступка Москвы? Я думаю и уверен, что все это делалось для поддержки послом политических стремлений Москвы. Из дальнейших приводимых мною выписок из его мемуаров подтвердится моя уверенность.

Теперь же я укажу два поступка этого дипломата, которые не могли не повлиять на перемену отношений к нему государя.

Во-первых, он позволил себе вмешаться в решение государя о смене С. Д. Сазонова, прося государя по телеграфу (правда, в очень почтительной форме) о сохранении С. Д. Сазонова на его посту⁷⁸⁷.

Во-вторых, он, в угоду левым организациям, испросил у государя прием. Оказывается, государю стала заранее известна цель его посещения, состоявшая во вмешательстве во внутреннюю политику и в поддержании «кабинета общественного доверия». Государь его принял, но не в своем кабинете, а в приемной, среди зала, стоя, не предложив ему сесть⁷⁸⁸.

Обращаюсь вновь к воспоминаниям великобританского посла. Говоря о кадетских деятелях, он выражается так: «Je ne me reproche aucunement d'avoir cultivé l'amitié de ces hommes. Il est vrai que je fus désappointé lorsque au moment de la crise, je vis qu'ils étaient incapables de prendre la direction des événements...»¹

Но здесь же я должен добавить выписку из мемуаров сэра Бьюкенена: «...combien on est mal fondé à m'accuser d'avoir prêté la main à cette révolution... Et même depuis mon retour en Angleterre... cette accusation a pesé sur moi sans que j'aie jamais parvenu à la rejeter...»¹¹

В заключение сведений о великобританском после я приведу отрывок его речи в июне 1917 года, т. е. через 3,5 месяца после революции:

«Я всегда был глубоко уверен в благоприятном результате русской революции для общего союзного дела. Я ни на минуту не сомневался в том, что окрыленный гражданской свободой русский солдат сумеет постоять за демократические идеалы всего мира. Даже в тревожные дни, которые нам пришлось пережить, меня никогда не покидала надежда. Я счастлив, что мое знание русского народа меня не обмануло...»

Полагаю, что этих выписок из мемуаров достаточно, чтобы судить, принимал ли великобританский посол участие в революционном движении.

¹ Mémoires de sir George Buchanan (trad. par Thiebaud). P. 181. (Примеч. авт.) «Я нисколько не упрекаю себя за то, что поддерживал дружбу с этими людьми. Правда, я был разочарован, когда, во время кризиса, понял, что они неспособны управлять направлением событий...» (фр.).

¹¹ Idem. P. 177. (Примеч. авт.) «...сколь неосновательно обвинять меня в том, что я приложил руку к этой революции... И даже после моего возвращения в Англию это обвинение тяготело надо мной, и мне так и не удалось его опровергнуть...» (фр.).

В бытность мою в Дании я встретился в Копенгагене 3 мая 1920 года с голландцем Сандерсом, которого я давно лично знал по Петрограду. Он был со мною в хороших отношениях и рассказал мне весьма заинтересовавшее меня сведение, которое я полагаю желательным отметить здесь. Но заранее подтверждаю, что я не могу гарантировать точности сообщаемого факта, хотя лично отношусь к нему с известным доверием.

Во время поездки Сандерса в Японию он встретил англичанина, некоего Кука, который при приезде в январе 1917 года в Россию лорда Мильнера состоял при нем. Как известно, лорд Мильнер возглавлял британскую делегацию на совещании союзников в Петрограде⁷⁸⁹. Кук, принявши Сандерса за англичанина и будучи уверен, что в России этот последний состоял в английской разведке, рассказал ему, что Мильнер устроил в Москве конспиративное совещание с приглашением некоторых кадетских деятелей. Из фамилий присутствовавших Сандерс запомнил только Шингарева⁷⁹⁰. На совещании этом Мильнер почему-то убедился, что русское правительство склонно идти на сепаратный мир, и это послужило поводом для решения о поддержке Англией революции в России.

* * *

Наконец, с глубоким прискорбием, я должен упомянуть и о великих князьях. И в их среду проникла зараза тем повальным психозом, который вольно и невольно распространялся во всех слоях. В их среде до известной степени и более или менее успешно работал и пользовался авторитетом Родзянко, заглазно ходивший у них под кличкой «дяди Миши».

Оказалась даже секретная организация под названием дворцового переворота. Я о ней ничего не пишу, не будучи с ней достаточно знаком, но все же я знаю, что в ней активно участвовали великие князья. Организация эта была, по-видимому, открыта органами Министерства внутренних дел, и, может быть, это обстоятельство и послужило поводом к утверждению в последних числах декабря 1916 года Протопопова министром; до тех пор он

был управляющим министерством⁷⁹¹. В связи с этим накануне Нового года великий князь Николай Михайлович был выслан из Петрограда в его имение Грушевку близ Херсона⁷⁹².

Поистине, поведение великих князей во время смуты является непонятым. Неужели они представляли себе, что такими поступками они спасут Россию! Вместе с тем они упускали из вида, что сами они держатся и многие почитаются не собственными заслугами и собственным весом, а тем, что они принадлежат к семье монарха. Своим же поведением они сами рубили ветку, на которой сидели.

ГЛАВА XXXVIII

А. Ф. Трепов — председатель Совета министров

10 ноября 1916 года я заехал к главному управляющему Собственной Его Величества канцелярией⁷⁹³ А. С. Танееву. У него в кабинете сидел А. Ф. Трепов, приехавший к нему прямо с поезда из Ставки в путевой тужурке с зелеными отворотами⁷⁹⁴. Вид его был торжественный. Танеев немедленно пригласил меня в кабинет и показал на нового премьера. Оказывается, Трепов привез из Ставки, куда он ездил вместе со Штюрмером, подписанный государем бланк с поручением Танееву вписать выше о назначении Штюрмера обер-камергером⁷⁹⁵, а Трепова — председателем Совета министров⁷⁹⁶. Через несколько минут принесли готовый указ. Оба внимательно прочли его и остались удовлетворенными. Трепов собрался уезжать; мы с ним условились, что в тот же день вечером, в 11 часов, я приеду к нему переговорить.

В назначенное время я был у него. Поздравив вторично нового председателя Совета министров, я отметил, что наши отношения с ним были порой очень хороши, а порой у нас с ним были серьезные размолвки по важным вопросам. Не зная того направления, которого будет держаться Трепов, я выразил желание сейчас же оставить министерский пост и тем самым дать возможность

ему подобрать себе состав по своему выбору и усмотрению. Трепов горячо против этого восстал. Он объяснил бывшие между нами недоразумения чисто ведомственными трениями и выразил полнейшее желание работать вместе. Расстались мы по-хорошему⁷⁹⁷.

На следующее утро был опубликован указ, и Трепов немедленно поехал к Родзянке устанавливать связь. Вечером весь город говорил об этом свидании; по требованию Родзянки, Трепов обещал сменить четырех министров: Бобринского, Протопопова, меня и Раева⁷⁹⁸.

Узнав об этом, я вновь завел с председателем Совета министров разговор по поводу данного им Родзянке обещания и моего определенного желания самому подать прошение об отставке. Трепов категорически отверг этот слух и просил меня более не возобновлять этот разговор.

Граф Бобринский без всяких разговоров подал прошение об отставке и был заменен Риттихом⁷⁹⁹. Я же из совершенно достоверных источников узнал, что Трепов настойчиво добивался у государя увольнения не только Протопопова, но и меня, но согласия государя не получил. На одном из всеподданнейших докладов государь подтвердил мне, что Трепов настаивал на моей отставке⁸⁰⁰. Зачем же понадобилось Трепову это вранье мне?!

Дальнейшая борьба сосредоточилась исключительно на Протопопове. Трепов настойчиво требовал увольнения Протопопова, государь сперва отвечал неопределенно, а затем категорически отказал.

Хотя я, после изложенного, треповским уверениям не доверял, все же я приведу то, что он мне рассказывал. По его словам, получив отказ о смене Протопопова, он, будто бы, просил своей отставки, но, получив и на этом отказ, сказал государю, что если он не будет освобожден от должности, то ему остается только покончить самоубийством. Правда ли это или нет, не знаю, но я слышал это из его уст.

По вступлении в новую должность Трепов круто повернул свое направление. В то время как при Штюмере он всячески настаивал на непримиримой с либералами позиции, он вдруг повел совершенно иную политику

и явно начал искать поддержку в этих кругах⁸⁰¹. Конечно, эта новая позиция председателя Совета министров являлась гораздо более правильной, чем то, что он же проводил при Штюмере. В частности, неоднократно в разговорах со мною он подчеркивал левизну графа Игнатьева. С первого дня назначения — крутой поворот. Игнатьев в особом почете у Трепова, постоянно у него бывает и является посредником между ним и прогрессивными элементами.

Через несколько дней происходит скандал в Государственной думе — чрезвычайно резкое выступление против Протопопова. Это было при чтении программы Трепова⁸⁰². Как быть? Протопопов заявляет, что он хочет немедленно выступить для объяснений. Настроение было такое, что от этого выступления полусумасшедшего человека нельзя было ожидать ничего доброго, скандал был бы неизбежен. Немедленно было устроено совещание министров в Министерском павильоне⁸⁰³ и Протопопову было запрещено выступать. Родзянко все время бегал между Думой и павильоном. Во всем этом Протопопов держал себя истерично и недостойно.

На следующий день в кабинете Трепова Советом [министров] обсуждается создавшееся положение⁸⁰⁴. Протопопов чрезвычайно помпезно заявляет, что если понадобится, то он сумеет ликвидировать инцидент и готов во всякой момент драться на дуэли или покончить самоубийством. Ему объяснили, что ни того, ни другого не надо.

После долгих разговоров слово взял Н. Н. Покровский. Он чрезвычайно прямо и убедительно изложил, что ему очень тяжело высказать свою мысль, но он считает это своим долгом, и поэтому решается. Он заявил, что не видит другого исхода, кроме отставки Протопопова. Рекомендует ему сейчас же сесть в поезд, ехать в Ставку и там просить и умолять государя уволить его. Такой поступок докажет, насколько Протопопов имеет гражданское мужество и жертвует собой для общего блага. Сказано было сильно и убедительно. Это единственный раз, когда я видел от Покровского такое прямое и твердое вы-

ступление; обычно он высказывался гораздо мягче и закругленными фразами.

Весь состав Совета единогласно согласился с Н. Н. Покровским. Некоторые даже заявили, что Протопопов может еще поспеть на поезд сегодня.

Протопопов изъявил согласие и, расстроенный, вышел. Спешность придавалась потому, что было желательно, чтобы к следующему заседанию Думы Протопопов не был министром.

Оказалось, что в этот день он не выехал, а отправился в Царское Село, и только на следующий день выехал в Ставку⁸⁰⁵. Вернувшись оттуда, он дипломатично заболел и пребывал в этом состоянии вплоть до назначения нового председателя Совета министров⁸⁰⁶.

Тем временем происходит убийство Распутина⁸⁰⁷. Я узнал об этом из вечерней газеты. Вечером я был у Трепова. Он задержал меня в приемной потому, что у него сидел с докладом директор Департамента полиции. На мой вопрос о Распутине Трепов почему-то сказал мне, что это не наверно, что говорят, будто бы у Юсупова стреляли в какую-то собаку. Зачем понадобилось это новое вранье, я так и не понял, когда весь город знал об этом.

На следующий же день в кабинете Трепова было заседание Совета министров, и министр юстиции Макаров подробно рассказывал о его поездке на Острова, чтобы лично осмотреть следы преступления.

За кратковременное пребывание Трепова председателем Совета министров в составе Совета произошли следующие перемены. С уходом Штюрмера освободился пост министра иностранных дел. По каким-то непонятным соображениям Трепов не спешил его заместить. Большинство из нас указывали ему, что совершенно невозможно, чтобы во время войны столь важный пост оставался вакантным и аккредитованные союзные послы не имели возможности беседовать с достаточно авторитетным лицом. По общему мнению, было совершенно недостаточно, чтобы, хотя временно, товарищ министра Нератов управлял ведомством. По-видимому, Трепов признал наши доводы серьезными и просил государя назначить мини-

стром иностранных дел Н. Н. Покровского, занимавшего пост государственного контролера⁸⁰⁸. Назначение это многих удивило, считая, что Покровский, специализировавшийся на финансовых и экономических вопросах, не достаточно осведомлен в вопросах иностранной политики. С своей стороны, я настолько высокого мнения об этом лице, что, зная его тактичность, осторожность и высокий ум, я был уверен, что он окажется твердым и достойным руководителем нашей иностранной политики.

На освободившийся пост государственного контролера Трепов провел Феодосьева, совершенно молодого человека, способного и тактичного⁸⁰⁹. Это последнее назначение П. Л. Барк истолковал в том смысле, что Феодосьев готовился председателем Совета министров для замещения поста министра финансов. В Ставке, где мы встретились с ним, он высказывал мне о непрочности своего положения.

22 декабря был опубликован указ об утверждении Протопопова министром; до сего времени он был управляющим министерством⁸¹⁰. Одновременно последовало увольнение министра юстиции Макарова и замещение его Добровольским⁸¹¹. Этот последний по телефону спросил Трепова, когда он может ему представиться, на что получил ответ, что он может не трудиться; это, конечно, означало, что Трепов ожидает указ об отставке⁸¹².

Утром, в день опубликования указа об утверждении Протопопова, граф Игнатъев и я были со всеподданнейшим докладом⁸¹³. Первым был мой доклад. Игнатъев, с которым я ожидал в приемной, был страшно возбужден и решил подать в отставку. Он привез его рукой написанное длинное прошение с мотивами, между прочим, ссылаясь на сыновей, которым он должен подать пример. Отставка его была принята⁸¹⁴.

Через два-три дня Трепов был смнен⁸¹⁵.

Трепова, как известно, заменил князь Голицын. Весьма приличный человек, двенадцать лет тому назад был архангельским губернатором, а затем получил назначение члена Государственного совета, где не играл особой роли⁸¹⁶.

- Шипов Иван Павлович (1865–1919) 44, 105, 117, 139
 Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930), князь 323
 Штакельберг Эвальд Антонович фон (1847–1909), барон 38
 Штоф Александр Александрович (1843–?) 105
 Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) 108, 110, 112, 147–149, 158, 159, 224, 226, 261, 266, 274, 275, 277, 290, 292, 311–314, 332
 Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) 48, 108, 129, 145, 240
 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) 31, 193, 194, 302
- Щегловитов Иван Григорьевич** (1861–1918) 109, 163, 164, 318, 324
Щербатов Николай Борисович (1868–1943), князь 108, 162, 164, 184, 193, 215
- Энгельгардт Борис Александрович** (1877–1962) 340
- Юргевич Леонид Валерианович** (1861–1919) 67, 68
Юсупов (старший) Феликс Феликсович (1856–1928), князь (с 1891), граф Сумароков-Эльстон 164, 165
Юсупов (младший) Феликс Феликсович (1887–1967), князь (с 1891), граф Сумароков-Эльстон 314
- Янушкевич Николай Николаевич** (1868–1918) 126, 136, 164, 203, 293
- Goin** 68

О Г Л А В Л Е Н И Е

- Куликов С. В.* «Вилли Ферреро нашего Кабинета»: князь Всеволод Шаховской и мирская слава 5

Sic transit Gloria mundi.

Так проходит мирская слава. 1893–1917

- Предисловие 27
 Введение 29
- Глава I. Закладка Либавского порта 32
 Глава II. Гвардейский экипаж 35
 Глава III. Переход на гражданскую службу 40
 Глава IV. Переход в Министерство путей сообщения 46
 Глава V. Деятельность по управлению внутренними водными путями 55
 Межведомственная комиссия
 профессора Тимонова 55
 Начальники округов путей сообщения 57
 Бюро изысканий 58
 Дактилографистки 59
 Пароходы для Сибири 60
 За полгода Германия знала о войне 61
- Глава VI. Новые работы и разработанные проекты 63
 Ока 63

Северный Донец.....	65
Шексна	65
Нижнее течение Дона	65
Днепровские пороги.	66
Транс-Уральский водный путь.....	71
Волго-Донской канал.....	72
Волховские пороги	73
Глава VII. Поездка государя в Киев и Чернигов.....	75
Глава VIII. 300-летие царствования Дома Романовых.....	81
Глава IX. Шоссейные дороги	87
Глава X. Война. Поездки на фронт	91
Глава XI. Вызов в Царское Село	97
Глава XII. Министерство торговли и промышленности	103
Глава XIII. Совет министров.....	108
Состав Совета министров	108
Недостатки Положения о Совете министров	111
Мое credo	113
Конституция.....	114
Глава XIV. Мой предместник С. И. Тимашев	116
Глава XV. Поездка в Харьков и Донецкий бассейн	122
Глава XVI. Главный продовольственный комитет.....	127
Глава XVII. Нежелательный министр	136
Глава XVIII. Земский и Городской союзы.....	140
Глава XIX. А. Д. Протопопов	143
Глава XX. Императрица Александра Федоровна	151
Глава XXI. Заседание Совета министров в Барановичах	162
Глава XXII. Военно-промышленные комитеты	167
Торгово-промышленный съезд	167
Организация военно-промышленных комитетов	172
Финансы и деятельность военно-промышленных комитетов	177
Деятельность за границей	181
Рабочая секция	184
Циммервальдовская конференция.....	187
Заключение главы.....	189
Глава XXIII. Прогрессивный блок	192
Глава XXIV. Распутин	196
Глава XXV. Особые совещания.....	203

Глава XXVI. Принятие государем Верховного командования	211
Глава XXVII. Перерыв законодательных сессий и московские съезды	220
Глава XXVIII. Государственная дума.....	223
Глава XXIX. Особое совещание по топливу (Осотоп).....	228
Недоразумения с министром путей сообщения	235
Недоразумения с военным ведомством.....	240
Вторичная поездка в Харьков	242
Нефтяное топливо.....	245
Дровяная секция	246
Заключение главы.....	247
Глава XXX. Генерал Поливанов.....	249
Цензура.....	249
Деятельность Поливанова в Особом совещании по обороне.....	252
Пермский завод	255
Путиловский завод	258
Увольнение Поливанова	261
Глава XXXI. Притязания Англии на русское золото	263
Глава XXXII. Некоторые министры.....	268
С. В. Рухлов	268
С. Д. Сазонов	273
Н. Н. Покровский	276
Глава XXXIII. Немецкое засилие	279
Мероприятия правительства	279
Общество [18]86 года	281
Надзор за частными банками	283
Глава XXXIV. Разные комитеты. Нормальный устав	285
Золотопромышленный комитет	285
Комитеты некоторых отраслей промышленности	286
Нормальный акционерный устав	288
Глава XXXV. Поездка на Кавказ.....	290
Глава XXXVI. А. И. Гучков	297
Глава XXXVII. Великосветские салоны. Союзные послы. Великие князья	304
Глава XXXVIII. А. Ф. Трепов — председатель Совета министров	311
Глава XXXIX. Высочайший выход 1 января 1917 года.....	318

Глава XL. Последние дни славной, Великой, царской России	320
Накануне революции.....	320
Революция.....	323
Послесловие	335
Комментарии	344
Указатель имен	674

Всеволод Николаевич Шаховской

Так проходит мирская слава
1893–1917

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Корректоры *Л. А. Катренко, Т. Е. Ширма*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Верстка *С. В. Панфилов*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 12
www.kpole.ru

ООО «Ретроспектива»
105066, Москва, Старая Басманная ул.,
д. 22, корп. А, стр. 3, пом. 2Н

Подписано в печать 03.12.2019
Формат 84 × 108/32 (125 × 200 мм)
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 1000 экз.
Заказ № 10516

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpd.ru, тел.: (495) 270 73 59